

ПОРЫВИСТЫЙ ветер гонит
лохматые тучи с запада на
восток. Под его напором гнут-
ся березки. Далеко под кручей
бурлит Волга.

Алексей Николаевич, присо-
нившись к березе, всматрива-
вался в заволжские дали, а ду-
мы его были где-то под Смо-
ленском. Только что он возвра-
тился в Зименки из Горького,
где встречался с первым секре-
тарем обкома партии М. И. Ро-
дионовым. Вместе слушали со-
общение Совинформбюро. Каза-
лось, насмерть стояли советские
воины у стен древнейшего рус-
ского города.

— Мы знаем, — сказал Тол-
стому Михаил Иванович, — что
в этом грозном 41-м свое острое
перо писателя и публициста вы
приравняете к штыку и оружи-
ем слова будете наносить уда-
ры по кровавому фашизму.

...Подошла супруга Толстого
Наталья Васильевна Крандиев-
ская:

— Алеша, простудишься, та-
кой ветер!

— Наоборот, — ответил писа-
тель, — непогода придает мне
силы. Присмотрись-на. С обрыва
широко видно Заволжье — за-
ливные луга, где длинные
предвечерние тени легли от бес-
численных стогов. За синеватой
грядой горизонта, куда весной
уходит разлив Волги, — край
дремучих лесов по Ветлуге и
Керженцу — огромный про-
стор, озаренный мягким све-
том. Человек впитывает здесь в
душу свою эту ширь, эту силу
земли, эту необъятность, и пре-
лесть, и волю. Здесь ум бродит
по видениям шумного и богато-
го прошлого и мечтает о без-
граничных возможностях буду-
щего. Здесь у людей — краси-
вые лица, веселые, смелые,
дерзкие глаза и широкие пле-
чи. Нет, нас не одолеешь!

Крандиевская улыбнулась:

— Да ты, вероятно, мыслен-
но пишешь статью, Алеша?

Алексей Николаевич кивнул:

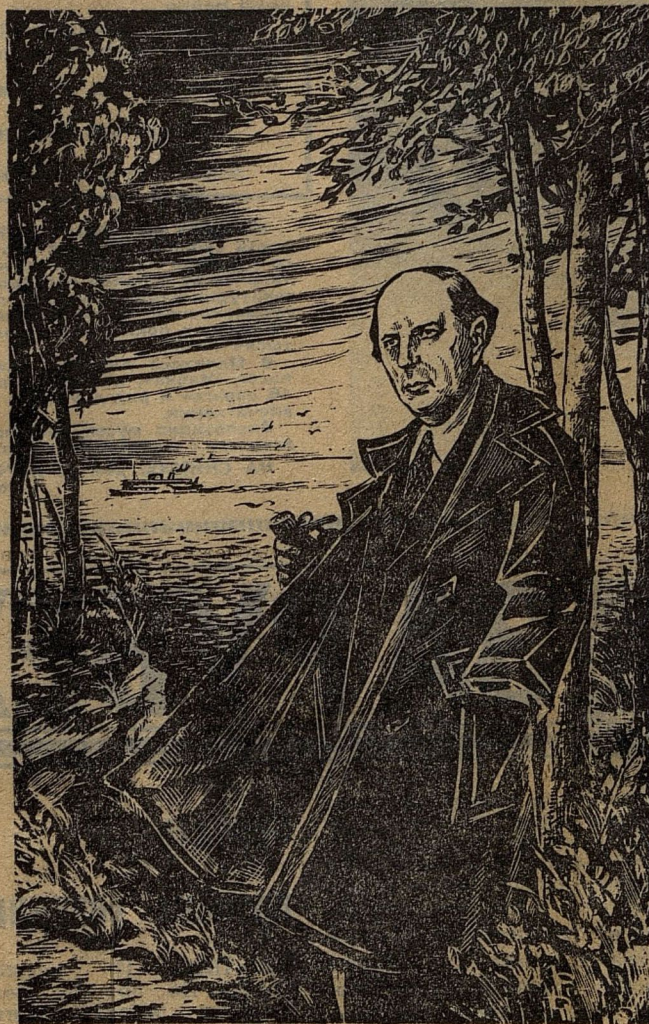
— Да, я назову ее: «Нас не
одолеешь!»

Наталья Васильевна обняла
деревце:

— Какая дивная березовая
рощица. Правда, под напором
ветра она словно бы ошети-
лась, но березки такие же ми-
лые, какими воспел их Сергей
Есенин. Помнишь Берлин
1922-го? И она продекламиро-
вала:

Заповедные места

БЕРЕЗЫ ПОМНЯТ

Я навеки за туманы и росы
Полюбил у березки стан,
И ее золотистые косы,
И холщовый ее сарафан.

Алексей Николаевич, конеч-
но, не забыл свою встречу с
Максимом Горьким и Сергеем
Есениным у себя на квартире в
Берлине. В ту пору он оказался
среди тех, кто осенью 1918 года
покинул Советскую Россию. В
эмиграции страшно тосковал по
Родине. «Бывшие друзья надели
по мне траур», — писал он впо-
следствии в биографии, порвав
с эмигрантами, и в 1923-м воз-
вратился домой.

Два с лишним месяца пробыл
Алексей Николаевич в Горь-
ком — с конца августа по
ноябрь 1941-го. А когда наш го-
род по существу стал прифрон-
товым, ему было предписано
выехать в Ташкент. В Зименках,
в здании санатория, писателю
отвели две комнаты с балконом
и видом на Волгу. Здесь он ра-
ботал над третьей книгой рома-
на «Петр I» и драматическими
повестями об Иване Грозном.

Но в первую очередь горь-
ковский период писателя был
насыщен боевой публицисти-
кой. Толстой неустанно разъ-
езжал по заводам, особенно
часто бывал на автомобильном,
авиационном и Сормовском, по-
стоянно встречался с рабочи-
ми. В «Горьковской коммуне»
появились его статьи, призы-
вавшие к ненависти: «Зубами
перегрызть хряц вражеского
горла», «Необъятные силы на-
родного труда», подготовил
сборник «Блицкриг или блиц-
крах». В статье «Родина» он пи-
сал: «Любить Родину — значит,
бороться за ее счастье».

Алексея Николаевича интере-
совали и увлекали достопримеча-
тельности Горького. Посетил
домик на Почаинской улице,
где в 1695 году останавливался
Петр Первый во время Азов-
ского похода, Домик Каширина.
Дом союзов, где была установле-
на картина К. Е. Маковского
«Воззвание Минина». Он отме-
тил, что художник сумел пере-
дать патриотический порыв ни-
жегородцев, и сейчас, когда фа-
шистские разбойники сжигают,
уничтожают, взрывают все на
нашей земле, эта картина убеж-
дает каждого, что советский на-
род непобедим и сдюжит в вой-
не с гитлеризмом.

Ю. АЛЕШНИКОВ.
Гравюра К. Дисперова.